

ОТЗЫВ

о диссертации

Лии Леонидовны Ермаковой

«Вячеслав Иванов – переводчик и интерпретатор трагедий Эсхила»,

представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 «Русская литература»

Работа Лии Леонидовны Ермаковой посвящена переводам трагедий Эсхила Вячеславом Ивановым, но включает более широкий круг проблем, относящихся к творчеству поэта-символиста, исследователя древних обрядов и мыслителя. Исследование русской традиции переводов античных авторов, в особенности Эсхила, дополняется в работе фактами и примерами переводов Эсхила на европейские языки. Многообразие поставленных задач не мешает полноте описания избранных для наблюдения фактов и явлений.

Переводы Вяч. Иванова в работе Лии Леонидовны рассмотрены с точки зрения а) текстологии и характера изданий разного времени; б) семантики ключевых для оригинальных текстов Эсхила и переводов символов и понятий («лабрис», «грех», «судьба», «рок» и др.), которые встречаются в других текстах Иванова; в) состава словесных групп («двусоставные слова», библейские и евангельские выражения), в том числе слов и выражений с христианскими коннотациями; г) признаков Эсхилова стиля (в соотнесённости с греческим текстом); д) эквиметричности оригиналу. Комплексный анализ сопоставляемых текстов - пассажей Эсхила на греческом и Эсхила в русском переводе Иванова - выполнен Лией Леонидовной с исчерпывающей полнотой и тщательностью. Частотно-статистический метод, применяемый при описании подлежащих описанию фактов и явлений в разных трагедиях Эсхила и в их переводе Ивановым, а также (избирательно) в

сравнении с другими переводами и авторами, ярко высвечивает некоторые особенности стратегии Иванова-переводчика.

Выводы и результаты работы Л.Л. Ермаковой соответствуют поставленным в ней задачам и всему содержанию диссертационного текста, демонстрирующего уважение к фактам (множеству фактов!), качественный уровень их интерпретации, осознание диссертантом актуальных вопросов современной филологической науки, и в частности в области восточноведения в особенности. Автореферат в лаконичной форме отражает структуру, содержание, основные положения и выводы исследования, выполненного в той локальной сфере, которая определена квалификационным индексом «10.01.01 – русская литература».

Три черты диссертационной работы Л.Л. Ермаковой, на которых хотелось бы остановиться подробнее, весьма показательны для современной филологической науки, предметом изучения которой является художественный текст. Сразу отметим, что они в целом характеризуют автора работы с самой положительной стороны.

Первая из этих черт – последовательный рационализм, удаляющий из описания всё, что затрудняет следование его принципам. Пассажи и языковые факты, описание которых представлено в тексте диссертации, поражают своим обилием и почти исчерпывающей полнотой; такая фактография, как кажется, не оставляет места субъективизму и произвольным построениям. Вторая черта – внимание к языку, фактам языка, тексту, фрагментам текста. К автору данной диссертации не может быть отнесён упрек в небрежении языковыми данными. Анализ содержания и смыслов текста, оригинального и переводного, стилистических и жанровых признаков трагедий Эсхила, метрики осуществляется на основе широкого привлечения данных двух языков (их лексиконов, словообразовательных особенностей, комментариев к текстам и под.): греческого и русского. Третью черту можно определить как равновесие, баланс уже имеющихся в науке (на момент выполнения данной работы) результатов и новых задач; граница между уже

известным и новым в работе чётко осознаётся и «проговаривается» через систему отсылок, цитирование, выводы.

Высокий филологический уровень, полнота и разнообразие наблюдений, существенность результатов и серьёзность выводов, к которым приходит в своём исследовании Лия Леонидовна, позволяют предположить его, т.е. исследования, востребованность профессионалами, среди которых будут не только историки русской литературы и переводчики, но также лингвисты, учёные других специальностей. Автор этого исследования, безусловно, заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук.

Следующая часть Отзыва отражает некоторые размышления, вопрошания и сомнения по «следам» чтения диссертационной работы.

1. Сравнивая пассажи с образом орудия убийства из разных трагедий Эсхила и их перевод Ивановым, диссертантка обращает внимание на факт введения переводчиком слова «топор»/ «секира» как орудия жертвенного убийства, греч. *лабрис* (λάβρις). Так, в пассаже из «Агамемнона» (речь Кассандры) перевод: *Секира! Топор двуострый!* соответствует оригиналу, где слово «топор» отсутствует (досл.: «над жертвой, забиваемой камнями») (стр. 55). Появление этого символа в переводе объясняется общим интересом Вяч. Иванова и его работами о Дионисе и связанных с ним ритуалами; не исключена и возможность влияния перевода Виламовица, где упоминается *das Beil* (топор как старый соучастник убийства). И всё же вывод, сделанный диссертанткой на основании наблюдений: «В трагедиях Эсхила он (Вяч. Иванов.- А.Г.) искал подтверждения своих тезисов, поэтому при переводе делал акцент на тех деталях, символика которых была особенно значима для его концепции» (стр.72), представляется избыточно рационалистичным. Влияние общего мировоззрения и дионисийских штудий Иванова на такого рода включения неизбежно, но всё же хотелось бы пожелать нам всем большей осторожности в объяснениях, которые относятся к области творчества (процессу творчества) и Автору. Факт употребления символа в

Тексте, разумеется, может быть интерпретирован, с учётом типологического сближения с текстами другого рода и жанра в том числе.

2. Описание слов, связанных с понятием «грех» в оригинальном и переводном тексте, представляет собой по существу реконструкцию и сравнение фрагментов лексической системы двух языков: древнего греческого и русского, более нового, хотя и достаточно архаичного. Наблюдения над употреблением греческих слов: ἀμαρτία ('промахиваться, мимо цели, ошибаться'), ὑβρις ('дерзость, высокомерие, гордость'), ἄτη ('несчастье, напасть, одержимость', олиц. Богиня беды) и др. в соотнесённости с русскими эквивалентами в переводных пассажах Иванова (стр. 78-90) – убедительны, любопытны, поучительны. Как показано на множестве примеров, в переводе Иванова встречается не только «грех», но и слова «вина», «преступление», «удар»; однако «грех» преобладает. Лия Леонидовна объясняет этот факт влиянием русской традиции античных переводов (Анненский, Зелинский и др.) и особенностями переводческой стратегии Иванова: «намеренно акцентировать внимание на значении *греха* в развитии трагического сюжета и в подтверждение своего тезиса о тождестве между действием и грехом» (стр. 96). С этой мотивацией можно согласиться лишь отчасти. Как нам кажется, причины преобладания в переводе Иванова слова «грех», в первую очередь, обусловлены различиями в лексиконах греческого и русского языков, своим образом системных семантических связей между словами в каждом из языков, семантической эволюцией слова *грех* – вполне безобидного по своей этимологии в русском языке и, наконец, факторами, действующими в тексте (или при его рождении). Во-вторых, важно иметь в виду, что «морализм» слова *грех* в русском языке связан и с ветхозаветными текстами (Псалтырь и др.), и с христианской и православной традициями; семантика этого слова даже в светской сфере его употребления отражает воздействие языка церковнославянского. Как известно, ответы на вопрос «Что есть грех?» в христианстве, ярким представителем которого был Вяч. Иванов, в высшей степени дифференцированы; при этом многие из

грехов в этой традиции строго не отделены от «нарушений», которые осознавались людьми и народами в пору язычества. Можно сказать, что в русском языке слово «грех» выступает своего рода классификатором, т.е. самым общим словом, содержание и смысл которого уточняется благодаря предикатам, «контролирующим» границы его семантики в тексте. Это можно видеть и на примере пассажей со словом *грех*, приводимых в диссертации, где этому слову обычно сопутствует определяющая и конкретизирующая его лексема или, как сказали бы лингвисты, один или несколько предикатов (при этом важно иметь в виду, что в поэтическом тексте проявляется тенденция к сплошной предикативности, так что в идеале все слова стремятся занять позицию предиката).

Следующие примеры, с двойным выделением слова-классификатора и его «определителей», убеждают в этом: Неразумия грех двойной («Персы»); Сам не знает Гордый, что падает: слеп он, Грех надмевающий («Эвмениды»); По жребию он послан и Тидееву Корит свирепость. Аргоса смутителем Его зовёт, убийцей, в зле наставником, - Слугой греха, Эриний вызывателем... («Семеро против Фив»); Не дайте, чтоб *грех* совершился, Насилье творил обидчик! О судьи, отвратите *грех*! («Просительницы»). Неразумие, гордость, свирепость, убийство, побуждение ко злomu деянию, ложь, клевета, насилие и под. – это всё картина «греха», отражающая нравственный опыт бытия народа. Так что слово «грех», ветхозаветное и христианское по своим коннотациям, вполне уместно в переводе Эсхила на русский язык.

3. Частота употребления той или иной лексемы в переводах Иванова – в исследовании это превосходно сделано и продемонстрировано – факт убедительный и не подлежит сомнению. Но его объяснение лежит не только в той сфере, на которую указывает исследователь. Скажем, Вяч. Иванов был склонен к частому, порой «густому» (если говорить о текстовом пространстве) употреблению коротких односложных слов типа *грех*, *рок*, *кровь*, *кров*, *зов*, *яд*, *дом*, *град*, *рек*, – но для его языка и текстов столь же

характерна высокая частота двусловных, обычно длинных слов в работе, включая Приложение №1 это показано. Почему Иванов из множества синонимичных слов: *рок, судьба, доля, жребий* - при переводе греч. Μοίρα, αἴσα, λαχός; τύχη, δαίμων, Ἀνάγκη и т.д. предпочитает «рок», однозначно сказать нельзя. «Рок», который может быть и *чёрным*, и *грозным* и *неотступным*, в русском языке связан отношениями родства со словами «срок», «урок», др.-рус. «ректи»; «речь». Поэт как «орган, через который растёт язык» (определение Иванова), конечно, все эти смысловые и родственные связи знает, чувствует, передаёт, подчёркивает. Тем более такой поэт, как Вяч. Иванов, к тому же в архаичном классе текстов и в жанре трагедии.

Употребление слова *рок* в пассажах Иванова может быть мотивировано «поэтической этимологией» (в понимании В.Н. Топорова), требованиями ритма (этот фактор в работе учтён), звукописью - не только аллитерацией и ассонансами, но с контролируемым выходом звуковых повторов и комплексов в смыслы: т.е. с элементами анаграммирования ключевого слова, а также с учётом смыслового потенциала фонических дистинктивных признаков (раскатистый русский звук «р», глухой компактный «к», ударный компактный «о»), др. Кроме того, сложности в ситуацию выбора поэтом и переводчиком слова добавляют такие факторы, как включённость слова/образа в комплекс ближайших по смыслу и положению в контексте образов и динамику их развёртывания в тексте, звуковые повторы по типу гомеотелевтов и рифмы. Достаточно более внимательно всмотреться в пассажи со словом *рок* в переводах Иванова, чтобы увидеть и отметить силу их присутствия в тексте:

Чу, крик! Предсмертный стон!/Что в стенах /Рок творит?/Кто убит?
(«Хозфоры»); Гляжу я с сокрушеньем на двойной сей рок. /Ряд длинный
преступлений повершил Орест... («Хозфоры»); Если в скорый срок лёгкую
мирный Рок/ Даровал мне кончину! («Агамемнон»); Вождь ахейских
кораблей, Ведуна не укорил, / Свой рок – принял он, не возроптал

(«Агамемнон»); Ионии дал нам рок/ Изведать мощь, - Злой урок! («Персы»);
О, рок жестокий! Скольکو новой горечи /Ты мне даёшь отведасть! Но всего
больней/ Язвит мне душу зрелище бесчестия / Сыновнего, раздранных
царских риз позор («Персы»).

4. Третий раздел исследования посвящён стилю трагедий Эсхила и –
соответственно – его отражению в переводах Вяч. Иванова. Анализ
двусоставных слов (композигов) в переводе Иванова представляет собой
один из тщательно и убедительно написанных фрагментов работы (см. также
Приложение № 1); его чтение убеждает в мысли о последовательном
усвоении переводчиком яркой словообразовательной особенности греческого
языка, более того: её развитии на почве языка русского.

По ходу чтения материалов II и III разделов диссертации создаётся
впечатление близости многих признаков переводческой стратегии Вяч.
Иванова и его поэтического языка, что делает дистанцирование от его
описания несколько искусственным.

Доктор филологических наук

(А. Г. Грек)

15 июня 2021 г.

